

ИЛЮХИНА ОЛЬГА

ОТЗОВИСЬ,
Снегурочка!

Ольга Юрьевна Илюхина Отзовись, Снегурочка!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70280572

SelfPub; 2024

Аннотация

Считается, что реальность чуда опирается на веру в чудеса. Но как же тяжело бывает тем, кто не верит во все чудесное и к кому чудо приходит внезапно, безо всякой мольбы и просьбы. Приходит ярко, реально, ломая привычные рамки бытия. Теплое, искристое, щедрое чудо одаривает, ничего не объясняя и ничего не прося взамен. Оформление обложки – Илюхина О.Ю.

Ольга Илюхина

Отзовись, Снегурочка!

«Настоящие

Дед Мороз и Снегурочка!

Только к детям, недорого».

Объявление висело на щелястой двери подъезда, жалобно трепыхаясь на студеном декабрьском ветру. Игорь Петрович, читая, наморщил лоб. А что? Почему бы и не пригласить, тем более, гостей на Новый год позвали. Лешка, правда, не верит в подобные сказки. Пусть просто порезвится. Главное, надо продумать, как вручить массовику подарок. Заранее отдавать не буду, решил Игорь Петрович, заходя в лифт и нажимая на кнопку шестого этажа. А то потом ни Деда, ни подарка не дождешься. Во! Подарок оставляю у соседа.

Игорь Петрович представил, как Дед Мороз заберет у соседа подарок и позвонит в его квартиру, ну, разумеется, под прицелом бдительных соседских глаз. Лешка откроет дверь и увидит...

Игорь Петрович придавил кнопку звонка и улыбнулся, представив лицо сына. Сразу вспомнился тот Новый год из его детства и собственный восторг, с которым он сам встречал Деда Мороза и Снегурочку.

Он тоже не верил в них, но с радостью принял ряженных.

Это было здорово и красиво, как будто театр приехал на дом.

Дед Мороз оказался вовсе не дедом, а крепким мужиком с хорошим ростом и зычным голосом. Его шуба, больше походившая на алый стеганный шелковый халат с приклеенной по подолу ватой, сверкала мелкой стеклянной крошкой из отслуживших свое елочных игрушек. Из-под шапки, на которую не пожалели бисера, весело блестели черные глаза. Игорь почему-то тогда подумал, что Дед Мороз уже кого-то поздравлял. Вполне возможно, что на эту мысль его навел торжественно багровевший нос «дедушки».

Дед Мороз стукнул по полу длинным посохом, отчего сразу загорелась венчающая посох звездочка, и переступил порог.

– С Новым годом! С новым счастьем! А не здесь ли проживает мальчик Игорь? – Дедушка заполнил собой коридор и, важно постукивая посохом, прошел в гостиную.

Снегурочка, а за ней и невесть откуда взявшиеся соседи, проплыли вслед за ним белым лебедем. Снегурочка оказалась что надо. В белом парике с длинной косой, в белоснежной шубке с голубым мехом. Шубка была так тонка, что летом, отпоров мех, её вполне можно было надевать как платье. Может, она и не грела, зато выгодно подчеркивала тонкую талию. За неё тут же ухватился папа и со словами «Прошу, прошу, вот сюда» повлек её за Дедом Морозом. Как будто Снегурочка могла ненароком сбиться с пути и забраться в туалет или в кухню. Мама, заметив этот папин жест, слег-

ка поджала губы, но решила не обращать на папу внимания, тем более что он уже дважды в этот вечер проводил Старый год. Первые проводы состоялись на работе, а вторые с соседом, который приходил, как теперь сообразил Игорь, чтобы забрать к себе подарок.

–Хозяюшку с праздником! – заорал Дед Мороз и на всю комнату распахнул рукава, намереваясь задушить маму в жарких морозных объятиях. Мама отпрыгнула в сторону и засмеялась.

Игорь во все глаза смотрел на Деда Мороза. Тот жестом фокусника вытащил из рукава блестящую открытку и громко её зачитал.

– Так! Рост – метр с кепкой. Цвет волос – русский. Есть такой. Вес... вес сейчас проверим.

Он схватил мальчика под мышки и высоко поднял над головой. Игорь стукнулся затылком о потолок и завопил.

– Отлично! И вес совпадает. Значит, это тот самый Игорь, которому я принес подарок!

При слове «подарок» Игорь перестал ныть и с беспокойством осмотрел пустые руки Деда Мороза, причем в голове пронеслось сразу несколько мыслей:

- подарок потерян
- забыт
- отдан кому-то не тому.

Из-за спины Деда Мороза протиснулась Снегурочка и пропела:

–Чтоб подарок получить, его надо заслужить.

Пришлось ему тогда выдать «на гора» стихи про день чудесный, что сочли вполне достойной платой за подарок.

И, о чудо! Снегурочка с трудом выкатила из-за своей спины нечто огромное, завернутое в белую хрусткую кальку, такую же, как та, что мама таскала домой из своего конструкторского бюро.

Подарок был немногим меньше самого Игоря, и Снегурочка подтащила его поближе к мальчику, не выпуская, впрочем, из цепких рук.

Все затихли и ждали момента, когда покровы спадут, и ребенок возрадуется спрятанному под ними сюрпризу.

Калька предательски просвечивала, и дураку было ясно, что под ней велосипед, тот самый, из-за которого мама с папой ссорились на прошлой неделе. Причем мама упиралась, а папа её уговаривал:

– Давай сейчас.

– Нет, летом, на день рождения. Ты дневник смотрел? Не жирно ему будет?

Игорю не удалось тогда услышать, о чем именно шла речь. Его засекли на самом интересном и отправили спать. Речь шла, конечно же, о велосипеде.

Мальчик с треском разорвал кальку, и глазам восхищенной публики явился «Школьник» со сверкающим хромированным рулем, твердым кожаным сиденьем и яркой оранжевой рамой. На руле красовался звонок. Игорь отжал и отпу-

стил упругую педальку. Звонко победно затрещал. Взрослые довольно заулыбались. «Ряженым» поднесли по рюмке: Деду Морозу – водки, а Снегурочке – красного вина. На закуску мама подала бутерброды с икрой. (Знай, наших!) Игорь отволлок подарок в свою комнату и с упоением стал освобождать его от остатков упаковки. Дядя Ваня развернул во всю ширь баян, и взрослые сплясали что-то задорное, отчего даже в детской подрагивал паркет. Игорь в ту ночь так и заснул там, на полу, в обнимку с велосипедом.

Игорь Петрович продолжал улыбаться, когда жена открыла дверь.

– Ты чего это? – вместо «здравствуй» спросила жена, ухитряясь одним глазом смотреть на мужа, а другим быстренько стрелкнуть в зеркало. Все было в порядке, и жена рассердилась.

– Чего лыбишься-то?

– Нин, а давай на Новый год пригласим Деда Мороза?

– Кому? – изумилась жена. – Лехе?

– Почему Лехе? И нам тоже. Прикольно будет, – с энтузиазмом развивал тему Игорь Петрович.

– Ну, ты даешь! – восхитилась жена. – У тебя есть лишние 500 рублей на Деда Мороза, а мне на сумочку их, конечно, нет. Хожу как кошелка деревенская.

– Сколько? – У Игоря Петровича вытянулось лицо, и придуманная им картина всеобщего веселья стала меркнуть.

– А ты думал, они тебе будут тут за «стоху» подпрыгивать? Это ты на работе весь день за триста скачешь, а они не будут. Они умеют зарабатывать!

– Нина, давай мы с тобой пойдем в Новый год подработаем. Денег загребем!

– В следующем году угребемся, а в этом мы будем дома, – отрезала жена. – Ты же гостей назвал.

– Почему я назвал? Это же наши, – он подчеркнул слово «наши», – друзья.

– Это твой друг и его жена, – внесла коррективы жена.

– А раз так, давай я сейчас им позвоню и скажу, чтобы не приходили. – Игорь, озлясь, схватил трубку висевшего на стене телефона.

– Ты спятил? – жена выхватила трубку у него из рук. – Раньше надо было думать. Хватит орать, есть будешь?

– Не буду! – огрызнулся Игорь, стаскивая с ног ботинки и зная, что есть он, конечно, будет.

Он разделся, помыл руки и сел перед телевизором.

На журнальном столике уже стояла тарелка с хлебом и дольками чеснока. Остро запахло перемирием.

Жена осторожно поставила перед ним тарелку с дымящимся борщом.

– Попробуй не съешь, – миролюбиво проворчала она и добавила: – Сейчас ложку принесу.

– И соль! – крикнул ей вслед Игорь.

После ужина Нина убежала к соседке с седьмого этажа за

Лехой. Соседку Бог наградила примерно таким же оболтусом. Во всяком случае весь набор в виде двоек, прогулов, битых коленок и прочего имел место быть. Юноши весь вечер терзали приставку и о такой ерунде, как уроки, легко забыли.

«А всё-таки я позвоню», – упрямо сказал сам себе Игорь. Так просто он не собирался расставаться с мечтой.

– Алё, это по поводу Деда Мороза. – Игорь затаил дыхание.

– Да, да, кхе-кхе, – старческий женский голос в трубке удивил Игоря. Он ожидал, что в разговор вступит сама Снегурочка и деловито спросит хорошо поставленным грудным голосом нечто вроде: «Вам это развлечение по карману?»

– Сколько лет ребёнку?

– Одиннадцать, – растерялся Игорь. – Но сначала скажите, сколько это стоит?

– Э, – проблеяли в трубке, – сто, нет, сто пятьдесят рублей, вот!

– Сто пятьдесят? – переспросил Игорь Петрович. – А чего не двести?

– Если не жалко, пусть будет двести, – с удовольствием согласилась бабуся.

– Э, нет, сто пятьдесят, значит, сто пятьдесят, – осадил её Игорь.

– Пусть так, – миролюбиво согласилась бабушка.

– А когда платить?

– Я найду первого, часов в десять утра, и возьму денежки,

хорошо?

– Но нам хотелось бы, чтобы нас поздравили тридцать первого... – расстроился Игорь.

– Так и поздравят в новогоднюю ночь.

– Во сколько? – насторожился Игорь, помятуя о том, что новогодняя ночь понятие весьма условное.

– После 12 часов. Ну, скажем, с двенадцати до часу, устроит?

– Здорово! А с подарком как?

– У соседей оставьте. Это можно устроить?

– Да, конечно!

– Тогда записываю имя и адрес ребенка.

Игорь Петрович громко и отчетливо продиктовал:

– Алексей, 2-я Первомайская, дом 7, квартира 242.

– Наверное, все же Лёша, – улыбнулась в трубку невидимая собеседница. – А лифт есть? Ага, хорошо. Да, самое главное: обязательно купите мороженое для Снегурочки.

– Мороженое? – изумился Игорь Петрович.

Трубка ответила ему короткими гудками.

Открылась входная дверь, пропуская что-то недовольно бубнящего Лешку. О своем звонке Игорь Петрович решил умолчать.

До Нового года осталось семь дней, тикал в мозгу собственный хронометр. Игорь Петрович сам был до крайности изумлен тем, что фантазии о предстоящем визите «затейни-

ков» прочно заняли первое место среди других мыслей.

Визит «ряженных» виделся ему чем-то сродни кубинскому карнавалу. Радостное изумление на физиономиях гостей и домочадцев, шутки, смех, нетерпеливое ожидание подарков, все это слилось в одну красочную картину, которую так приятно было представлять.

Сияние мишуры и елочных огней отражалось в его глазах лихорадочным блеском, что в некотором роде отличало его от не занятого такими пустяками большинства.

Видения приходили в самый неподходящий момент, как, например, на сегодняшнем совещании, посвященном бичеванию второго отдела. Нельзя сказать, что разнос они не заслуживали, не в этом дело. Весь первый отдел с деловито-скорбными физиономиями истекал медом, наблюдая, как вкушают яд директорских слов конкуренты из второго отдела.

Директор запнулся и замолчал. За столом повисла гнетущая тишина. Игорь Петрович очнулся и в висящем на противоположной стене зеркале увидел собственную физиономию с блуждающей улыбкой и устремленными в никуда глазами. Коллектив, единый в своем негодовании, брезгливо-осуждающе смотрел на него. Их суровые взгляды красноречивее слов говорили о том, что так откровенно наслаждаться чужими неудачами может лишь отпетый негодяй.

В метро он столь долго пялился сквозь неопределенных лет девицу, что та сжалилась над скромнягой и подошла са-

ма.

– Я – Рита.

– Ну и что? – недовольно вернулся на грешную землю Игорь.

– Придурок, – не растерялась девушка и вышла из вагона.

Оставалось признать, что Нового года Игорь Петрович ждал как никогда в своей жизни.

Домой он приходил преисполненный великодушия и с загадочной улыбкой вглядывался в лица домашних.

На семью эти малозаметные на посторонний взгляд изменения в выражении лица главы семьи произвели неизгладимое впечатление.

Жена, вставая с постели, стала первым делом красить губы, и они каким-то чудом не меркли к его возвращению с работы.

Сын притих и прижал уши. Почему-то он решил, что отец знает всё и готовит какое-то особенное возмездие.

Собственно, в это «всё» входили две подчищенные единицы в дневнике, превратившиеся чудесным образом в, ясное дело, четверки. Дедушкины старинные часы, исчезнувшие из коробочки, в которой они пролежали последние двадцать лет. Исчезли они, конечно же, не просто так, а предварительно разобравшись на множество деталек. Лешка, затаив дыхание, разбирал механизм и совершенно случайно обнаружил на одной из шестеренок красивый узор из завиту-

шек. Если бы он не разобрал часы, то никто и никогда не узнал про этот узор! Плохо то, что собираться обратно часы не хотели ни в какую. Леха собрал звенящие останки в пакетик и захоронил его за помойкой. Прощаясь с дедушкиными часами, он пообещал обязательно выкопать и собрать их, когда станет взрослым. Вот только папа это вряд ли поймет. Последней в списке главных прегрешений фигурировала одноклассница Танька, которой он с наслаждением насовал по шее, само собой, тоже не просто так. Хуже всего, что на смену боевому азарту пришла горечь ожидания возмездия. Танька назавтра объявила, что пожаловалась отцу, и тот обещал либо расправиться с самим Лешкой, либо побеседовать с его отцом, что было еще хуже.

Так что он на всякий случай решил неделю до Нового года побыть хорошим, и уже два раза сам предложил маме помыть посуду и до блеска начистил три отцовские туфли. Четвертая так и не была найдена.

Мама обо всех этих геройствах уже пропела на работе: «А мой сын моет посуду и чистит всем обувь. Да, у нас в семье так заведено». Те, у кого было не так заведено, вздыхали и завидовали.

Перед самым Новым годом Игорь Петрович ещё раз удивил семейство и самого себя двумя поступками. Купил бутылку «Столичной» завхозу Валентинычу, что обеспечило ему шикарную елку, предназначенную директором для какого-то важного лица, а также накопил деликатесов на всю три-

надцатую зарплату, о существовании которой Нинель знать не знала за все пять лет его работы в «Мебельстрое».

Когда дома жена разгрузила пакеты с продуктами и они образовали на кухонном столе горку, выпавшую из рога избылиия, калькулятор в её голове прикинул так и этак. Вследствие чего родилась фраза, она же вопль души:

– И на какие же это шиши?!

Игорь Петрович в объяснения не вступал, решив отделаться улыбкой сфинкса, прочно поселившейся на его лице. Супруга растерянно замолчала.

«Предстоящий Новый год будет черт знает каким», – с раздражением думала Нина, глядя на мужа.

Давно известно: как встретишь Новый год, так его и проживешь. Новогоднее застолье разительно отличалось от всех предыдущих, похожих друг на друга как братья-близнецы.

Игорь, обычно не в меру хлебосольный, совсем не следил за содержимым бокалов и тарелок. Он то и дело бросал нетерпеливые взгляды в сторону входной двери.

Нина, всегда сама предупредительность, тоже где-то витала мыслями.

Думала она исключительно о муже, что последнее время он сам не свой, отдалился от нее, все думает о чем-то или о ком-то. Не узнать его, как чужой стал. Чужой, значит не мой, а чей тогда? Мозг пронзила догадка: неужели пригласил с работы какую-нибудь дуру? И налилась гневом так, что шея

пошла пятнами. Да как он мог?

Гости тоже почувствовали царящее за столом напряжение и отчаянно шутили, пытаясь не дать хозяевам испортить им праздник.

«Кого, кого он пригласил? – Нина трагически сдвинула брови. – Эту толстую приемщицу Люсю или хорошенькую Надю из бухгалтерии?»

Явится сейчас к накрытому столу, разнаряженная и с маникюром. Нина мельком посмотрела на свои необработанные ногти. Она просто не успела привести их в порядок. Только закончила мыть пол в кухне, заляпанный майонезом, как пришли гости. Пока Игорь открывал им дверь, Нина быстро, по-солдатски, оделась и подкрасила лицо. Эти мерзавки, конечно, заметят облупившийся лак на ее ногтях. Она произвольно сжала кулачки.

Мысль о Деде Морозе и Снегурочке ей даже не приходила в голову, поскольку под огромной, на полкомнаты, елкой среди прочих даров стоял и их с Игорем подарок Лешке, купленный в полном соответствии с его успеваемостью. Про джинсы, упакованные в фирменный пакет и тихо ждущие своего часа в квартире напротив, она не знала.

Отгремели все положенные тосты, и Нина с ужасом заметила, что муж не допивает водку до дна. Такого не было никогда. «Ну, ничего себе! Хочет быть трезвым для этой!»

С расстройства Нина, которая сама обычно «половинила», так как считала, что хозяйка быть «мордой в салате»

просто не имеет права, лихо махнула полный бокал вина. Брови Андрея, её двоюродного брата, поползли вверх. Андрея пригласила Нина, в «противовес» гостям Игоря. Андрей пришел один, без жены и сына, и Нина сразу поняла, что давно намечавшийся в его семье разрыв все-таки состоялся.

Звонок в дверь тренькнул как-то жалобно и нерешительно. Все, кроме Нины, с любопытством уставились на дверь. Нина, недобро прищурившись, глядела на мужа.

– Сынок, – каким-то тонким, с хрипотцой, голосом попросил Игорь. – Поди, открой дверь.

– А там воры, – брякнула Антонина Николаевна, жена Павла Ивановича, между своими именовавшегося Палваныч, а в дни испытаний еще более определенно – Болваныч.

«Болваныч-то наш, – зло шутили приятели, – детей, и то не догадался наделать». Ума, у них, правда, хватало, чтобы не высказывать это вслух.

– Чего я-то, – пробурчал Лешка, ковыряя вилкой бессмертный «Оливье».

Он уже успел развернуть и рассмотреть подарки: конструктор – от родителей, разумеется. Тетя Тоня с дядей Пашей – это меховой заяц. Дешевые пластиковые часы, конечно, от дяди Андрея.

Мама поахала над духами, которые сама же себе купила неделю назад. И они все это время настаивались в самом

нижнем ящике комода. Папа получил пену для бритья. Хорошо, что Новый год есть и 23 Февраля, а то хоть не брейся! Дяде Андрею досталась пепельница, хотя уже полгода прошло, как он бросил курить, о чем, между прочим, успел раззвонить всем родственникам. А тетя Тоня с дядей Пашей умилялись вазе под фрукты. Наверное, уже разбили ту, что мама покупала им на прошлый Новый год.

– Мам, ну иди ты открой, – ныл Лешка.

– Нет. – Игорь придержал за руку встающую из-за стола Нину. – Дверь откроет Леша.

Пришлось идти. И он пошел, волоча ногу за ногу, как старик, надеясь, что тот, за дверью, уже ушел.

– У соседей гости всю соль съели, и они пришли занимать её, или там пьяный какой-нибудь заблудился. Сейчас как даст ребенку по башке! – весело предположил дядя Паша.

– Кто? – рявкнул Лешка, пытаясь что-то разглядеть в затертый, мутный глазок.

– Это я, – прозвучал за дверью тонкий хрустальный девчоночий голос.

Лешка открыл дверь и осмотрел с ног до головы девочку в длинном голубом пальто с белым песцовым воротником и стоящего за её спиной дряхлого деда. Дед недовольно зыркал из-под седых кустистых бровей. Его экипировка состояла из шапки-ушанки, серого драпового пальто, и огромных валенок. Заметив, что парень проявил к валенкам особый

интерес, дед коротко пояснил: «Артрит». Лешка с интересом посмотрел на девочку. Из-под круглой, отороченной мехом шапочки выбивались пышные пепельные прядки волос. Милое нежное лицо с прозрачно-серыми глазами. Тоненькая и серьезная.

– Вам кто нужен? – с надеждой в голосе, что не они нужны, пискнула из-за спины мама.

Леша оглянулся. Гости и хозяева дружно перебрались в коридор и намертво забаррикадировали проход в недра квартиры.

– Я – Дед Мороз! – Старик стукнул себя рукавицей по груди. – А вот она – Снегурочка. – Он добыл из кармана смятую бумажку и зачитал её вслух собравшимся.

– Так. Улица, дом, квартира, Тихомиров Алексей, он же Алеша, правильно?

– Слава Богу! – радостно воскликнула мама и улыбнулась доверчиво и с облегчением. – Проходите, пожалуйста!

«Пригласил все-таки, осел упрямый», – умиротворенно подумала Нина, прижимаясь к стене коридора и указывая полной рукой, куда именно проходить.

«Так, твою мать, вот тебе и сто пятьдесят рублей, дешево и сердито», – скрипнул зубами Игорь, отступая к противоположной стене.

– А где подарки? – деловито поинтересовался Леха.

– Подарки? – Дед Мороз виновато улыбнулся. – Подарки, конечно, будут.

Игорь так расстроился, что совсем забыл о том, что надо заскочить к соседу за джинсами и незаметно вручить их «ряженым». Он с горестным недоумением смотрел на Снегурочку. Должна была быть дебелая яркая девка, которую он повел бы за талию к столу. А это дитя как поведешь?

Снегурочка внимательно посмотрела на него льдистыми прозрачной стальной голубизны глазами и неожиданно тепло улыбнулась.

«Не дитя, – просёк Игорь, – очень молоденькая, миниатюрная, но вполне женщина. Карманный, так сказать, вариант. И, коса, вроде, своя, до самой...э...».

Все переместились в гостиную.

Дед Мороз и Снегурочка выстроились у елки. Хозяева и гости сели на диван и приготовились смотреть представление.

– С Новым годом, с новым счастьем! – запел тенорком дедушка на мотив «шла дивизия вперед».

– Пусть удачным будет год..., – прозвенел колокольчиком голос Снегурочки. – Вам желаем...

Кто-то забарабанил в балконную дверь.

– Ну, это точно воры, – вновь понадеялся дядя Паша.

– Наконец-то, – обрадовался Дед Мороз и метнулся к балконной двери. – Это можно открыть? – Он подергал балконную дверь.

«Так я и разбежался. Полдня клеивал», – успел подумать Игорь, все-же нехотя поднимаясь с места. И остолбе-

нел, с открытым ртом глядя на заиндевелую оленью морду за стеклом.

Олень бесцеремонно стукнул рогами по стеклу, которое каким-то чудом не разбилось.

Дед Мороз сообразил, как нажать на ручку, и с треском распахнул дверь на балкон.

В комнату, пыхтя и отдуваясь, протиснулся самый обыкновенный толстенный северный олень. Постукивая по полу копытами, он прошагал до самого стола, волоча за собой расписные санки, груженные коробками и пакетами.

– Да что же это такое, – первой пришла в себя мама Нина, глядя, как Дед Мороз пытается захлопнуть балконную дверь, обрамленную висящей ключьями бумагой и белыми палочками паралонного утеплителя. – Дайте, я закрою. Как вы его туда пропёрли? Балкон-то крохотный. И холодец там на тумбочке...

Олень шумно дышал, поводя боками. Лешка погладил его по бархатистой морде и был по-настоящему счастлив. Он обвел шальными глазами присутствующих, надеясь увидеть радость на их лицах. Мама расправляла тюль на окне, папа с несчастным видом стоял у двери. Дядя Андрей в восхищении крутил головой и приговаривал: «Ну, вы, ребята, даёте!» Дядя Паша с тётей Тоней сидели на диване, как понятия, и молча хлопали глазами. Дед Мороз со Снегурочкой, наконец, развязали верёвки, удерживавшие поклажу, и с коробками в руках повернулись к столу.

– Кто тут спрашивал про подарки? – добродушно просипел Дед Мороз.

– А? – на всякий случай, если Дед Мороз запомнил, кто именно спрашивал про подарки, подал голос Лешка.

– Это тебе, – дед с внучкой переглянулись и оба протянули свёртки растерявшемуся мальчику.

Лешка действительно растерялся. Папа последнее время столько раз рассказывал, как к нему приходил Дед Мороз, и что надо сделать, чтобы подарок был вручен, что это весьма походило на инструктаж. Сейчас он лихорадочно пытался сложить в единое целое строчки разных стихотворений, каруселью вертящиеся в голове. От напряжения он весь взмок, покраснел и виновато уставился на вязаные рукавицы Деда Мороза, которые тот почему-то не пожелал снять. Рукавицы придвинулись к самому Лехиному лицу. Этот Дед Мороз ничего не требовал, ни плясок, ни песен, он просто так отдавал подарок. Лешка осторожно протянул руки и бережно принял внушительную коробку. Сверху Снегурочка положила ещё один пакет.

– Спасибо. – Лешка попятился к дивану, больше всего боясь уронить ценный груз. То, что подарок упаковывали не мама с папой, и ему было понятно. Может быть, мама и вернула бы подарок в кусок синего бархата, но только, если бы это был подарок для Президента Мирового сообщества, и то вряд ли. То, что он был очень ценным, похоже, ни у кого сомнений не вызвало. Об этом говорила не только упа-

ковка, но и внушительный размер. Верхний сверток скрывал под пузырчатым пластиком нечто более простое и понятное, что цепкие Лешкины пальцы определили как обувь, а посему был отложен в сторону. Лешка успел развязать бант и развернуть ткань, которую мама сразу потянула к себе, якобы рассмотреть, а на самом деле припрятать, чтобы выяснить на досуге, не удастся ли из неё что-нибудь соорудить.

– А это вам. – Мама вздрогнула и выпустила из рук драгоценный кусок.

– Как интересно! – удивилась мама, лукаво поглядывая на мужа.

Игорь растерянно улыбнулся. Он уже успел заметить, что в огромной коробке, на которую ронял слюни сын, была дорогущая игровая приставка – предмет вот уже двухлетнего скулежа. Сын постоянно выискивал, в качестве примеров, новых знакомых и незнакомых мальчигов, являвшихся счастливыми обладателями этой замечательной вещи. Впрочем, скули не скули, а покупать «эту дрянь» никто не собирался. Доводы родителей могли звучать как угодно: что это вредно, что дети от этого тупеют, что надо купить более необходимые вещи, что он учится недостаточно хорошо и так далее. Да просто не было денег, вот и всё.

Сейчас Лешка тоже едва слышно поскуливал, только от радости. Он уже сообразил, что мама к этому подарку отношения не имеет, наверное, она покупала второй, и успел благодарно потереться макушкой о руку отца. Он уже собрался

улепетнуть в свою комнату и как следует насмотреться на все детальки и проводки, плотно лежащие в белоснежных пенопластовых гнездах, но папа негромко посоветовал:

– И не думай даже.

Пришлось разворачивать второй сверток. В нем оказались кроссовки. Не просто кроссовки, а КРОССОВКИ! Элегантные, как торпедные катера, вкусно пахнущие и упакованные каждый в отдельный фирменный пакет. Купить такую обувь папа точно не мог, о маме нечего было и говорить. Вернее, это он о ней так думал раньше. Наверное, мамочка весь год на них деньги откладывала. И как не проговорила, на маму это совсем не похоже! Лешка метнул на неё взгляд, готовый благодарно улыбнуться, и обнаружил, что мама с упоением шуршит тончайшей бумагой, откуда медленно вытягивалось нечто золотистое. Одно, затем второе. Мама осторожно расправила добычу в руках. Костюм из мягкого бежевого трикотажа с золотой искрой. В руках оказалась блуза, а на коленях лежали брюки. В упаковке отыскалась коробочка со сверкающей бижутерией, а на самом дне в прозрачном пакете крохотная сумочка на длинной золотистой цепочке.

– Ты спятил, – мама подняла на мужа млеющий взгляд. – Размер-то хоть мой?

Игорь застыл в каком-то ступоре. Он уже не сомневался, что произошла дурацкая ошибка. Старый маразматик перепутал квартиры и явился к ним с чужими подарками. Как теперь выпутываться?

Мама перевела счастливые глаза на тётю Тоню. Тётя Тоня медленно отрывала зад от дивана, её просто приподнимало от восхищения. Но смотрела она совсем не на костюм. И руку протягивала не для того, чтобы пощупать ткань.

Нина глазам своим не поверила, когда та плюхнулась обратно, прижимая к груди сверток.

«Да, что, он, в самом деле, деньгами-то кидается!» – обозлилась она. Следующим награжденным оказался дядя Паша. Они с супругой переглянулись и одновременно принялись развязывать золотистые бумажные завитки лент.

Последним в списке получился дядя Андрей. Ему вручили плоскую небольшую коробку.

– Что вы там ещё придумали? – весело спросил дядя, смущенно посмеиваясь. Он вытянул из коробки пластмассовый чемоданчик. – Придурки, – нежно проворковал он, открывая чемоданчик с видом счастливого искателя сокровищ. – Вы оба придурки!

Мама вытаращилась на ноутбук и в отношении одного из придурков была с ним полностью согласна.

– Ах! – выразила общее мнение Антонина Николаевна.

– Ни фиги себе! – поддержал ее муж.

Мама Нина повернула к ней несчастное лицо и оторопела: да что же это такое!

Антонина выкладывала на стол из изящной кожаной сумочки, цвета спелых сливок, духи, крем для рук, бусы из оникса, конфеты и пару тюбиков губной помады. Нина такую

видела в дорогом бутике и сейчас с жалобным видом наблюдала, как Антонина, затаив дыхание, открывает один из них.

Затем её глаза перебежали на загадочный металлический предмет в руках Палваныча. Тот медленно ласкал его короткими пальцами.

– Это тот самый спиннинг? – шепотом спросила его жена. Палваныч счастливо покивал.

Все дружно посмотрели на хозяина дома. Ему подарка не досталось. Снегурочка протянула ему маленький конвертик.

– Что там? – сухо спросил Игорь Петрович, подозревая, что в конверте затаился счет за все это безобразие.

– Там билет, лотерейный, вы же мечтали, помните? – едва слышно прошептала Снегурочка.

Ну ещё бы, конечно, он помнил. В лотерею играла вся семья, тогда так было принято. Билеты вручали на работе, их могли всучить вместо сдачи в магазине, их покупали себе и дарили на праздники знакомым. Ерунда, а вдруг повезет. Кому-то везло, но не им. Мать два раза выигрывала по рублю, папа ничего так и не выиграл, а сам Игорь выиграл настенный календарь, и то в книжной лотерее. И вот теперь этот билет. Игорь спрятал конверт в карман рубашки и заметил, как Нина проследила за ним глазами.

– Спасибо, – неловко поблагодарил он, не понимая, куда делся олень с санками, – но вы уверены, что все правильно?

– Да, – удивилась Снегурочка. – Нас только к вам пригласили.

– Во-от как! – глубокомысленно протянул Игорь Петрович, все еще мучаясь неловкостью ситуации.

– Извините, конечно. – Дед Мороз, про которого все забыли, скромно улыбался под елкой. – А можно внучке мороженого? Если оно у вас есть.

– Леша, – встрепенулся папа. – На кухне, в морозилке, достань пожалуйста.

– Можно я с тобой? – улыбнулась Снегурочка.

– Двигай! – Лешка с сожалением оторвал взгляд от подарков и потащился на кухню.

– Может, вы присядете с нами? – запинаясь, предложила Нина.

– Не откажусь, – Дед Мороз стянул с головы ушанку, крикнул и подсел к столу.

Мороженого в морозилке оказалось на удивление много. Целых три пластиковые килограммовые упаковки.

«Надо почаще сюда заглядывать, – подумал Лешка. – Вполне можно было съесть пол-упаковки вчера вечером, когда так хотелось чего-нибудь вкусенького».

– Так, что у нас тут? – Леша выложил ведро с мороженым на заставленный посудой стол. – Шоколадное, крем-брюле, персиковое с коньяком. Ты какое будешь?

– Я очень-очень люблю мороженое, – призналась Снегурочка. – Оно вкуснее сосулек, правда?

– Да уж, – согласился Леша, подозрительно глядя на де-

вочку – не издевается ли.

– А давай поедим здесь, – попросила девочка.

– Давай, – пожал плечами Лешка. – Тебе не жарко так? Может, снимешь пальто?

Снегурочка кивнула и повела худенькими плечиками. Пальто будто соскользнуло с голубого шелка длинного платья. Лешка успел подхватить его и положил на табурет. Сверху легла шапочка.

Снегурочка осторожно присела на диванчик рядом с мальчиком.

Они попеременно снимали сладкую холодную стружку сразу из всех трех упаковок. Девочка, похоже, не боялась за свое горло, она с удовольствием съедала сразу все, что было на столовой ложке. Мороженое попало ей на пальцы, и она решительно облизала их. Леша искоса поглядывал на неё. Девочка казалась его ровесницей или была старше на год-два, не больше. Очень красивая и при этом совсем не такая, как признанные красавицы в его школе. «Она нежная», – решил он, зачарованно глядя, как её бледно-розовые губы касаются тонких пальцев с лиловыми ноготками.

– Чего смотришь? – Лешка вздрогнул. Девочка смотрела на него в упор. – Меня же нет!

– Как это, – глупо ухмыльнулся Лешка. – вот же ты. – Он нерешительно дотронулся до её прохладной гладкой щеки.

Снегурочка засмеялась. Её смех весенним ручейком перекатывался среди прозрачно-белых зубов.

– А кто в лесу кричал: «Снегурочка, покажись! Снегурочка, отзовись!»? А потом: «Снегурочка, нет тебя!»

Лешка багрово покраснел. Он прекрасно помнил, что именно он кричал между этими двумя воплями. Это был целый список непристойных предложений, которые они с пацанами выкрикивали по очереди.

Как объяснить, что эти слова *ей* он кричать не мог. У него язык не повернулся бы высказать такое даже самой развязной девчонке. Они просто дурачились. И, потом, он был уверен, что снегурочек на самом деле не существует.

– Я не знал, что ты там была, – проваливаясь от смущения, повинился мальчик. – Если бы я знал... Если бы ты...

Снегурочка невозмутимо забралась ложкой в шоколадное мороженое.

– А почему ты так одета? – решил Лешка. – Обычно снегурочки такие... такие яркие, нарядные.

– Они – не снегурочки, – отрезала девочка. – Снегурочка – это я.

Она строго посмотрела на мальчика и пожала плечами.

– Ну, кто из них согласится в морозную ночь играть в снежки, а потом отдыхать на пышном снегу под огромными елями? Танцевать на тонком льду, бегать наперегонки с зайцами? Никто, потому, что они замерзнут, и к утру в лесу останется только одна Снегурочка, настоящая. Вот так!

Леша зачарованно смотрел в голубые льдинки её глаз и начинал понимать, что никакие блестяшки и накладные косы

не сделают из девочки Снегурочку. Ею просто надо быть.

– В книжке совсем другая Снегурочка, – упрямо возразил он. – Сейчас найду и принесу.

Почему-то ему понадобилось доказать ей, что она не такая уж красавица, что на картинке Снегурочка разодета в пух и прах и во всех отношениях не такая. Ему очень захотелось, чтобы она не оказалась настоящей.

Он отыскал затрепанную тонкую книжку и вернулся на кухню, но Снегурочки там не оказалось. Тогда он метнулся в гостиную.

– Игорюня, братан, колись, – обнимал отца за плечи дядя Андрей. – У тебя что, из унитаза нефтяной фонтан забил?

– Да, не я это, а Дед Мороз.

– Ну, конечно, Дед Мороз, мы понимаем, ну ты даешь, Игореха!

– Где она! – рявкнул Лешка.

– Кто? – испугался папа.

– Снегурочка!

– Да, ушли они уже, сынок, – мама махнула рукой, поднялась, прижимая к груди костюм, и поплыла в ванную – мерить.

– Как ушли? – не поверил своим ушам Леша.

– Что, племяш, попал? – поддел его дядя Андрей.

Лешка развернулся и побрел в свою комнату, надо было разобраться с приставкой.

Он провозился с ней до пяти утра, прислушиваясь к зву-

кам музыки, доносящимся из гостиной. Потом расстелил постель и лег. Во сне он увидел милое бледное личико, медленно расплетающуюся светло-русую с серебряным отливом косу и тающие в улыбке зубы, белые, почти прозрачные на концах.

– А Лешка-то угомонился, – удивляясь, возвестила Нина.

– Переволновался, – авторитетно заявил Андрей. – Может, и мы того, на боковую? – Он вытаращил на сестру свои вечно веселые глаза.

Нина вгляделась. Никакие они не весёлые, просто круглые, а на дне плещется грусть.

Дед Мороз крепко прижимал к себе худенькое тело внучки, приговаривая: «Ну, давай, лети».

И олень летел, еле касаясь копытами грязных городских сугробов, чиркая полозьями санок по асфальту.

Снегурочка задумчиво глядела на теряющиеся в снежной круговерти улицы.

– Фу, скорей бы в лес, надышался тут угару! А всё ради тебя, затейница. Ну, что, довольна? Сходила к людям?

Снегурочка молчала.

– Дался тебе этот мальчишка, – не унимался дед. – Мало тебе Леля было? Опять мучений захотелось, не живется тебе спокойно!

– Что Лель, дедушка! – горько перебила его Снегурочка. – Ему показалось, всего лишь показалось, что он любит, а я

вот полюбила его. Ты же не знаешь ничего!

– Как же, не знаю я, – злобно проворчал Дед Мороз. – Ты же сама говорила, что в сердце твоём холод и нет любви.

– Да. – Горько отвечала Снегурочка. – Ни к чему мне было унижаться и говорить о своих чувствах. Мизгирь затеял это судилище из-за одной только ревности. У них с Любовой все было уж решено. Ей оставалось только дожидаться его из дальней поездки по делам купеческим. От нечего делать ходила она со мной. А я, глупая все рассказывала ей о своем счастье. Захотела Любава проверить, так ли крепки обьятия моего Леля, так ли сладки его губы, как я рассказываю. Где мне с ней было тягаться. Я бела и тиха, она черна и горяча. Застила она милому моему очи. Вернулся Мизгирь, а его никто не ждет. Досадно ему стало. Стал он всюду преследовать меня. Говорил о своей любви, только не верила я. Он вытащил меня на суд толпы, просил у них разрешения жениться на мне! У них, не у меня, дедушка. – У Снегурочки задрожали в уголках глаз прозрачные круглые слезки.

– Зато ты сходила в люди, – пожевал губами дед.

– Да, сходила. Я тогда прыгнула через костер, потому, что жить не хотела, дедушка! Ты же знаешь, ели бы моя любовь была взаимна, я бы не растаяла.

– Да, не растаяла бы, – согласился с ней старик. – Стала бы человеком, и век твой был бы короток. А я остался бы один и бродил бы к людям, как Санта-Клаус какой-нибудь.

– А я растаяла, – эхом откликнулась внучка.

– А ты растаяла, – проворчал дед. – И осенью я вновь вырастил тебя из первого льда.

– Дедушка, скажешь ты мне, наконец, почему моя мама Весна-Красна появляется только весной?

Дед Мороз сердито закричал.

– Потому, что твой отец, а мой сын Морозко уезжает с наступлением тепла а Арктику.

– Мама не хочет его видеть?

– Не хочет. – Дед Мороз некоторое время пытался, наливаясь гневом. – Потому что глупа, как человек!

– Че-ло-век? – потрясенно выдохнула Снегурочка. – Моя мама была человеком?

– Тьфу, ты! Старый дурак, разболтался! Хватит, Снегурочка, помолчи, не гневи деда!

– Нет, дедушка, – настаивала внучка, теребя его за рукав. – Ты мне все должен рассказать. Так была она человеком, или нет?

– Ну, была, была! – фальцетом завопил дед. – Кто её просил влюбляться в моего сына? Ты же знаешь, если человек полюбит кого-нибудь из наших, он может уйти в наш мир. И, наоборот, если наш в человека влюбится, тоже может покинуть своих. Кто сильнее любит, тот и идет следом. Но этот переход один-единственный, и обратного пути нет. Я ей, твоей матери, об этом говорил, что Морозко не захочет уйти к людям. Она готова была на все, чтобы быть с ним рядом. Что дальше? Морозко – красивый, сильный мужчина, немного

легкомысленный. Оседлает ветер и носится всюду. Сегодня он тут, а завтра – там. Однажды ему приглянулась девушка из далекого города. Он и улетел туда на пол-года. Зимы в том году, почитай, и не было. Оттепель за оттепелью. Пошалил слегка Морозка и обратно прилетел. Твоя мать подумала невесть что и не простила ему этого, горячка! И сынок мой с характером, прощения не просит. Вот они и являются к тебе по очереди. То Весна придет, хвостом пометет, то сыночек нагрянет. Хорошо, хоть ты всегда со мной. И то, не сидится тебе спокойно в лесу. К людям понадобилось опять! Тпру! Давай передохнем.

Дед Мороз сошел с саней и тяжело опустился в сугроб. Ветер покачивал огромные темные тела заснеженных елей. Уныло мела поземка.

Старик вздыхал, ерзал и, наконец, не выдержал:

– Да если хочешь знать, кабы не я, то и у тебя всё так же было бы. Упарились мои лешии с этой Любовой. Манили её, манили, чтоб с Лелем свесть. То ягодок в нужном месте насуют, то из грибков тропинку изовьют, то корову у Леля угонят, да туда, где Любава ходит, за рога приволокут. Вот они и сошлись.

– Дедушка! – Снегурочка схватилась за побелевшие щеки. – Да как же ты мог, дедушка?

– А вот мог, – с надрывом рявкнул старик. – Сердце кровью обливалось, а сделал. Пойми ты, если бы любил тебя Лель по-настоящему, не увлёкся бы Любовой! Ничем бы его

не отвадить было!

Снегурочка упала навзничь в снег и долго лежала не двигаясь. Лес затих. Любопытный Сиверко, младший брат Морозко, вздумал подшутить над Снегурочкой, набросал ей в косу колючих снежинок. Дед Мороз взмахом руки отогнал его далеко на восток. Там сердитый Сиверко стал гонять по морю огромные волны и заметать снегом окна рыбацких домишек.

Дед Мороз, кряхтя, поднял Снегурочку и свистнул Оленя. Они сели в сани, и Олень помчал их домой.

Всю дорогу старик утешал внучку:

– Подожди, вот придет в лес этот, как его, Лешка, попробуй еще раз, а вдруг получится.

– Не придет он, дедушка, – вздыхала Снегурочка.

– Придет, милая, видел я, как он на тебя смотрел.

– Он маленький ещё.

– Вырастет, милая. Куда тебе-то спешить, подождёшь.

23 марта 2003 года.